

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ

Авторы: В. Д. Назаров

ИВАН IV ВАСИЛЬЕВИЧ Грозный [25.8.1530, Москва или с. Коломенское, близ Москвы – 18(28).3.1584, Москва; похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля], вел. князь московский и владимирский (1533–47), первый рус. царь (1547–84). Из династии моск. *Рюриковичей*, старший сын *Василия III Ивановича* и его 2-й жены Е. В. *Глинской*. Был женат шесть раз: с 3.2.1547 – на А. Р. *Захарьиной-Юрьевой*; с 21.8.1561 – на *Марии Темрюковне*; с 28.10.1571 – на Марфе Васильевне Собакиной (? – 13.11.1571); с конца апр. – мая 1572 – на Анне Алексеевне Колтовской [ок. 1554–56–5(15).4.1626; пострижена в монахини осенью 1572]; с осени 1574 – на Анне Григорьевне Васильчиковой (см. в ст. *Васильчиковы*) (? – 9.12.1576); с сер. октября 1580 – на М. Ф. *Нагой*. Возможно, состоял также в «невенчанном» браке с вдовой дьяка Мелентия Иванова – Василисой (? – не позднее 1578/79). Имел 8 детей, в т. ч. *Ивана Ивановича* и *Фёдора Ивановича* (от 1-го брака), *Дмитрия Ивановича* (от 6-го брака).

Наследств. права И. IV В. были закреплены Василием III Ивановичем в 1531: подданные присягнули годовалому княжичу и его родителям; с удельными князьями *Юрием Ивановичем* и *Андреем Ивановичем* были заключены новые договоры, теперь все их обязательства адресовались не только на имя Василия III, но и на имя его сына. Прерогативы И. IV В. как вел. князя не нарушались ни после смерти его отца (4.12.1533) во время начавшегося *боярского правления 1530–40-х гг.*, ни после смерти Е. В. Глинской (3.4.1538) – правительницы и опекунши сына. Соперничество правящих боярских «партий» сопровождалось актами насилия, происходившими порой на глазах вел. князя в кремлёвских дворцах.

В дек. 1543 И. IV В. впервые вмешался в политич. жизнь: по его приказу, причиной которого стали гл. обр. интриги близких к нему Воронцовых, псаря убили на

территории Кремля фактич. главу Боярской думы кн. А. М. Шуйского (см. в ст. [Шуйские](#)). В янв. 1546 И. IV В. впервые сам возглавил войска для защиты от [казанских ханов набегов](#). В 1546–47 по приказу вел. князя осуществлены жестокие казни (были спровоцированы князьями [Глинскими](#)).

Начало царствования и время реформ. По инициативе митр. Московского и всея Руси [Макария](#) 16.1.1547 состоялось венчание И. IV В. на царство, что создавало отношения преемственности между властью рус. царя и властью визант. императоров. Гл. идеологич. задачей царствования И. IV В. становились в перспективе утверждение «единственной истинной веры» – православия, защита его чистоты и обеспечение «истинного спасения» душ своих подданных. Позднее (в 1564 в 1-м послании к кн. А. М. [Курбскому](#)) царь рассматривал себя как преемника имп. [Константина Великого](#) и выражал убеждение, что по отношению к людям, мешающим ему выполнять свои обязанности перед Богом, оправдано применение любых самых жестоких мер, что его власть всеобъемлюща и никому, кроме Бога, неподконтрольна.

Грандиозный пожар в Москве 21.6.1547 (сгорело до 25 тыс. дворов, ок. 200 храмов, погибло неск. тысяч человек) вызвал [Московское восстание 1547](#), приведшее к падению Глинских. В придворных кругах и, видимо, самим царём случившееся было воспринято как «наказание свыше» за грехи. Чтобы умилостивить своего небесного заступника (И. IV В. был крещён у раки Сергия Радонежского), царь передал в сент. 1547 в Троице-Сергиев мон. огромную сумму – 7 тыс. руб. Неудача [Казанского похода](#) 1547–48 и пожар 1.7.1548, когда от удара молнии сгорели все дворцовые здания (в т. ч. царский терем) в с. Воробьёво, трактовались его наставником и советником [Сильвестром](#) как «очевидные» знаки Божьего гнева «по грехам» царя и правящей элиты. Одновременно резко усилилось недовольство уездного дворянства, горожан, черносошных крестьян несправедливостью и притеснениями со стороны [наместников](#) и [волостелей](#), насильственными решениями поземельных и др. споров. В февр. 1549 на т. н. Соборе примирения (традиционно считается первым Земским собором) И. IV В. просил прощения перед Освящённым собором «со истинным покаянием... еже зле содеях»; обличил «насилия» и неправедный суд бояр в годы его малолетства, впрочем, пообещав не подвергать их опале за прежние злодеяния и в случае исков к ним осуществлять царский суд. Было принято также уложение о неподсудности в

общем порядке служивых дворян наместникам и волостелям по большинству дел, а также, скорее всего, определены гл. направления грядущих преобразований.

Иван IV Васильевич Грозный во главе войск, возвращающихся из Казанского похода 1552. Фрагмент иконописного изображения «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь Воинствующая»). 1550-е гг. Трет...

В 1548–52 царь трижды возглавлял Казанские походы и шесть раз – рус. армию полного состава в юж. пограничье для отражения крымских ханов набегов. Завоевания Казанского ханства (1552) и Астраханского ханства (1556) предотвратили их возможное вассально-союзное подчинение Крымскому ханству, находившемуся под покровительством Османской империи. Кроме того, завоевания, несмотря на огромные материальные затраты в 1549–52, почти сразу дали значимый экономич. эффект (доходы от торговли по Волжскому пути и эксплуатации рыбных ресурсов Волги, от хозяйств. развития юго-вост. и вост. рус. пограничья, освобождённого от угроз регулярных набегов, и др.). Успехи Рус. гос-ва привели к союзно-вассальному подчинению Ногайской Орды (1557), башкир (1557) и Сибирского ханства (январь 1555, сентябрь 1557). К сер. 1550-х гг. стало заметным влияние Рус. гос-ва на Сев. Кавказе (в частности, в 1557

заключён договор с Кабардой), тогда же определился наступат. курс в отношении Крымского ханства, реализация которого оказалась особенно успешной в 1558–59. В разработке стратегич. задач и приоритетов внешней политики, в её конкретном осуществлении важную роль играли В. М. Захарьин-Юрьев (см. в ст. Захарьины-Кошкины), А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый. Все существенные решения по вопросам внешней и внутр. политики принимались царём совм. с Боярской думой или комиссией бояр при царе (см. также Избранная рада), а в отд. случаях (напр., при ограничении местничества в 1550) – посредством общего совета на более широких сословных

собраниях. Тем не менее периодически возникавшая борьба разл. кланов знати приводила к острым конфликтам (напр., противостояние бояр по поводу присяги малолетнему сыну И. IV В. Дмитрию Ивановичу во время тяжёлой болезни царя в марте 1553; оттеснение от рычагов власти в Москве на рубеже 1554 и 1555 Захарьиных-Кошкиных), однако не влекла за собой опалы с конфискацией недвижимости или казни [даже попытка бегства в Вел. кн-во Литовское (ВКЛ) боярина кн. С. В. Ростовского в 1554 привела лишь к его сравнительно недолгой опале].

Во внутр. политике период [реформ 1550-х гг.](#) стал для И. IV В. временем интенсивного обучения «царскому делу» и становления как правителя. Важнейшим направлением реформ стали преобразования в сфере права и судопроизводства – принятие Судебника 1550 (см. в ст. [Судебники 15–16 вв.](#)), а также изменение системы местного управления в ходе 2-го этапа [губной реформы 1530–50-х гг.](#), [земской реформы 1555–1556](#). Резко возросла деятельность судебных инстанций в Москве – судных боярских комиссий, прежних центр. ведомств ([дворцов](#) и [казны](#)), формировавшихся [приказов](#), собственно царского суда. Принятые в 1551–62 уложения, законы и нормы по объёму практически равнялись Судебнику 1550 (они кодифицировались в виде спец. правовых сб-ков и распространялись на местном уровне центр. ведомствами).

Реформы 1550-х гг. и активная внешняя политика сопровождалась ростом гос. налогов, в 1549–51 были отменены финансовые привилегии церковных землевладельцев: налоги в гос. казну должны были вноситься со всех видов земельной собственности. В 1550-е гг. введены новые налоги, унифицированы единицы налогообложения и дифференцирована величина налогов в зависимости от владельч. принадлежности земель, наложен запрет на несанкционированное приобретение церковными корпорациями городской и сельской недвижимости (1550–51), описание большинства уездов упорядочило документирование налоговой базы. Масштабные описания уездов и последовавшие затем массовые испомещения (с кон. 1540-х гг.) отчасти и временно удовлетворили потребности служилых дворян в обеспечении землёй; Уложение о службе 1556 уравнило её нормы (количество и вооружение выставляемых боевых холопов) в зависимости от размеров и качества земельных владений, подтвердило получение денежного жалованья из центр. учреждений знатью и рядовыми дворянами после отмены [кормлений](#); всеобщие

смотря дворян в 1555 и 1556 ввели в практику строгий учёт несения ими воен. службы и соответствия её качества земельному и денежному обеспечению. На 1550-е гг. пришёлся решающий этап в формировании [стрелецкого войска](#) как особого вида войск, интенсивно развивалась артиллерия (осадная и крепостная).

И. IV В. вникал в канонич. вопросы, церковно-служебный обиход, адм. устройство и внутр. жизнь Рус. православной церкви на Стоглавом соборе (1551; на нём «вечным благословением» одобрены Судебник 1550 и образец уставной земской грамоты), др. церк. соборах. На соборах 1553 и 1554, осудивших еретич. воззрения М. С. [Башкина](#) и его единомышленников, быв. игумена Троице-Сергиева мон. Артемия, царь выступал как «защитник чистоты» православия.

В 1558–59 резко обострилась проблема выбора дальнейшей внешнеполитич. стратегии Рус. гос-ва. А. Ф. Адашев стремился сохранить активность на юж. и зап. направлениях, достигнув длительного компромисса с ВКЛ. Его программа включала совместное с ВКЛ наступление на Крымское ханство, отказ от претензий на рус. земли в составе ВКЛ и нейтралитет последнего в отношении рус. политики в Ливонии. В янв. 1558 И. IV В. для оказания давления на руководство Ливонского ордена предпринял поход в вост. Ливонию, что положило начало [Ливонской войне 1558–83](#). В 1558–59 рус. войска завоевали вост. и часть центр. Ливонии, в марте 1559 последовало заключение при посредничестве Дании перемирия с Ливонским орденом на полгода. Это соглашение оказалось ошибкой и продемонстрировало невыполнимость программы Адашева: в авг. 1559 Орден перешёл под протекторат ВКЛ, власти которого предложили антирусский союз крымскому хану. В этих условиях для И. IV В. приоритетом стала наступат. политика на западе. С этим было связано падение наиболее влиятельных деятелей периода реформ 1550-х гг. – Сильвестр постригся в монахи в нач. 1560, Адашев в мае 1560 был отправлен воеводой в действующую армию.

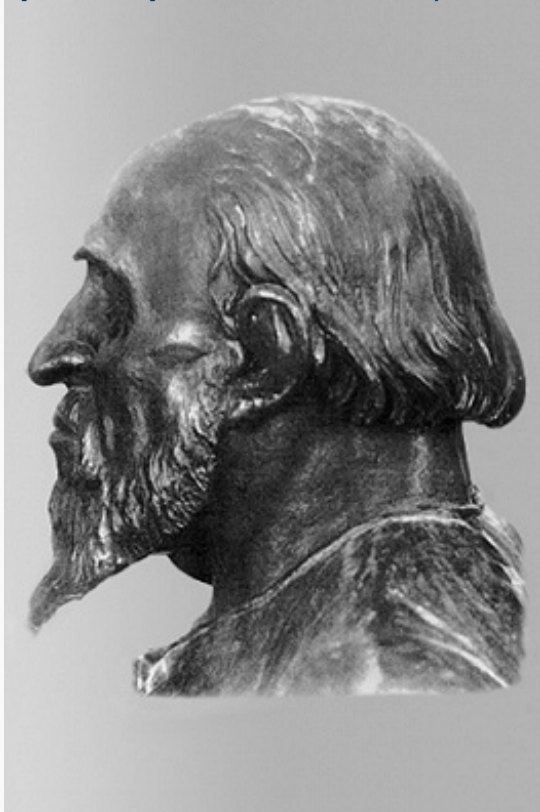
Политика Ивана IV Васильевича в 1-й пол. 1560-х гг. Смерть царицы А. Ю.

Захарьиной-Юрьевой (7.8.1560) повлекла за собой обвинения в её отравлении и чародействе в адрес Адашева и Сильвестра; состоявшийся соборный суд заочно (вопреки позиции митр. Макария) осудил их. И. IV В. решил править самостоятельно и

решительно изменил свои отношения с элитой. Он не хотел больше делиться властью ни с кем из своих подданных, он один «волен подвластных миловати и казнити». И. IV В. стремился управлять государством с помощью сравнительно узкой группы лиц, в преданности которых он мог быть уверен. В завещании, составленном в 1561, он назвал имена тех, кому доверял управление страной в случае своей смерти в малолетство царевича Ивана Ивановича. В регентский совет не вошли представители «первостатейной» знати, царь включил в него родственников умершей жены и новых фаворитов. В 1562–63 нарастали репрессии против знати (опалы кн. И. Д. Бельского, князей [Воротынских](#), постриг кн. Д. И. Курлятева, казни Адашевых и их родственников), обострялись её отношения с царём. Был арестован двоюродный брат царя кн. [Владимир Андреевич](#), его мать была пострижена в монахини. Эти действия И. IV В. привели к серьёзным трениям между ним и правящей элитой, мн. знатные лица попали в опалу.

Успешный для И. IV В. ход Ливонской войны в 1560 привёл к принципиальному изменению ситуации в Прибалтике: в 1561 Ливонский орден в целом вошёл в состав ВКЛ, Эстляндия с Ревелем перешли под власть Швеции, а крупные острова в Балтийском м. – под власть Дании. Со Швецией и Данией И. IV В. в 1561–62 заключил перемирие, причём все стороны отказывались от союза с ВКЛ. Начало воен. действий против ВКЛ также было успешным, в результате [Полоцкого похода 1562–63](#) был взят Полоцк. Однако уже с янв. 1564 последовали крупные поражения, а к осени стране пришлось воевать на два фронта (также против набегов отрядов Крымского ханства). Воен. и дипломатич. неудачи, по убеждению царя, явились следствием невыполнения его приказов, нерадивости знатных воевод и бояр. Продолжались внесудебные расправы, без суда и следствия были казнены заслуженные бояре кн. М. П. Репнин и кн. Ю. И. Кашин. Возросло число побегов в ВКЛ, отд. случаи были особенно болезненными для И. IV В. (бегство видного воеводы боярина кн. А. М. Курбского, которого царь знал с юности, неудачная попытка бегства царского фаворита кн. П. И. Горенского). Убийство без суда и следствия летом 1564 кн. Д. Ф. Овчинина-Оболенского-Телепнёва привело к протесту некоторых членов Боярской думы во главе с митр. [Афанасием](#), заявивших о неприемлемости такого поведения для православного царя.

Время опричнины. Для сосредоточения власти в своих руках и для создания опоры

Иван IV Васильевич. Скульптурная реконструкция по черепу. Автор – М. М. Герасимов.

из верных ему людей И. IV В. ввёл в янв. 1565 опричнину – личный («царский») удел на части территории страны (при этом подавляющее большинство уездов с осн. населением страны, существовавшие институты власти, приказы и др. органы управления остались в др. части страны – земщине). Создание опричнины, сопровождавшееся указом о праве царя карать внесудебным порядком казнью с конфискацией имущества «своих изменников и непослушников», имело для И. IV В. сакральное, политич. и практич. значение. Она становилась и своеобразной попыткой осуществления его политич. идеала. Корпус опричников (первоначально 1 тыс. чел., резко увеличился с 1567) стал в руках царя его защитой, надзирательно-карательным органом в

отношении всех сословий земщины, орудием насильственного установления «идеального» порядка в стране. Постепенно (особенно с кон. 1566) жизнь опричников, прежде всего опричного двора (первоначально насчитывал ок. 100 чел., позднее – более 300), выстраивалась царём по образцу своеобразной монашеской общины: многократные церковные службы, общие трапезы, сопровождаемые чтением душевспасительных текстов, где чтецом нередко был сам царь, исполнявший также роли сурового наставника и «игумена» опричной «братии». В янв. 1567 царь выехал из Кремля и обосновался в отстроенной опричной моск. резиденции (располагалась в районе совр. зданий МГУ на Моховой ул.), а в февр. принимал швед. послов в своей укрепленной резиденции – «новой Александровской слободе» (ныне г. Александров).

В кон. июня 1566 царь созвал Земский собор для решения вопроса о продолжении Ливонской войны или о принятии условий перемирия с ВКЛ. Участники собора, представлявшие исключительно сословия и сословные группы земщины,

рекомендовали отвергнуть условия мира, предложенные литов. стороной (раздел Ливонии в соответствии с завоёванными каждой стороной землями, заключение наступательного антишведского союза и будущий передел отвоёванных у Швеции территорий в сев. Ливонии), и продолжить войну. Тогда же группа дворян подала коллективную челобитную об отмене опричнины (позднее инициаторы акции были казнены).

Воен. кампании 1567–69 были в целом неудачны для рус. войск. В февр. 1567 был заключён предварит. договор о союзе со швед. королём [Эриком XIV](#), однако после прихода к власти союзника ВКЛ короля [Юхана III](#) (осень 1568) заключить союз со Швецией стало невозможно. В 1568–69 И. IV В. готовил создание в Ливонии вассального государства, в связи с чем, опираясь на союз с Данией, провозгласил королём Ливонии дат. принца Магнуса (июнь 1570). Однако после заключения между Данией и Швецией [Штеттинского мира 1570](#) рассчитывать на помощь Дании в Ливонии также не приходилось. Одновременно на юж. земли Рус. гос-ва в 1568 состоялось не менее трёх крупных набегов крымских татар. Летом 1569 состоялся поход турецко-крымской армии при участии ногайцев: после 10 дней осады Астрахани войска 26 сент. двинулись назад, понеся при возвращении большие потери. В июне 1569 в Вологде состоялись тайные переговоры с англ. послом Т. Рандольфом, которому царь под угрозой лишения [Московской компании](#) её торговых привилегий навязал текст военно-политич. союзного договора, включавший пункт о взаимном предоставлении права на политич. убежище монархам с семьями и казной при неблагоприятных обстоятельствах (в 1570 королева [Елизавета I Тюдор](#) в тайном порядке согласилась на предоставление убежища И. IV В. с семьёй, но отказалась от военно-политич. союза, в ответ царь отобрал часть льгот у Моск. компании). В 1570 с Речью Посполитой (образована в результате заключения [Люблинской унии 1569](#)) было заключено 3-летнее перемирие.

Снижение воен. и политич. активности Рус. гос-ва после 1567 было вызвано серьёзным ухудшением финансово-экономич. положения (на кон. 1560-х гг. пришлись рост налогов, эпидемии и неурожаи во многих регионах страны) и острейшим внутривластич. кризисом, вызванным прежде всего массовыми репрессиями и казнями в 1567–70.

В 1567 кн. Владимир Андреевич сообщил царю о заговоре бояр во главе с конюшим боярином И. П. Фёдоровым. Вероятно, реального заговора не существовало, скорее речь шла о нелицеприятных оценках действий царя рядом знатных лиц. По «делу Фёдорова» было казнено св. 500 чел. К этому времени оформились смыслы и знаковое содержание опричной репрессивной практики: «противящийся власти – Богу противится, аще кто Богу противится – сей отступник именуется». Считалось, что «изменники» изменяют не только самодержцу православного царства, но самой православной вере и не могут надеяться на спасение души; на земле такие грешники подлежат страшным наказаниям по образцам Божьих казней врагов избранного народа в Ветхом Завете. Опричные казни происходили неожиданно, в любом месте, казнимым не позволялось исповедаться и причаститься. Ставшее нечистым имущество должно было уничтожаться, но на практике деньги, драгоценности и др. конфисковывались, а частью расхищались опричниками, усадьбы и строения сжигались. Запрещались захоронения казнённых в церковной ограде и на погостах в присутствии священника в ризах, воспрещались заупокойные вклады деньгами и землёй. Опричная «братия» в чёрных одеждах с пёсьей головой на шее коня и метлой, привязанной к седлу, уподоблялась части воинства архангела Михаила – жестоким и яростным ангелам, исторгавшим души из тел грешников и влекущим их в ад.

Эти казни вызвали публичное осуждение «пролития неповинной крови» митр. Московским и всея Руси Филиппом (Колычевым), призывавшим к отмене опричнины (дважды – в марте и июле 1568). Последнее было расценено царём как нарушение обязательства не вмешиваться в опричные дела, данного Филиппом при посвящении в митрополиты (25.7.1566). По сфабрикованным обвинениям церковный соборный суд осудил митрополита, и он был «извергнут из сана». 8.11.1568 во время богослужения в Успенском соборе Московского Кремля опричники зачитали указ о низложении митрополита, сорвали с него митрополичье одеяние и увезли в ссылку (в дек. 1569 был умерщвлён в Отроче мон. в Твери). Последующие митрополиты – Кирилл III (IV) (ум. 1572), Антоний (ум. 1581) и сменивший последнего Дионисий никак не вмешивались в мирские дела царя.

Как прямую угрозу своей жизни и политике И. IV В. воспринял в 1569 известие о «польской грамоте» в Новгороде (её характер остаётся неясным), донос от своего

повара на удельного кн. Владимира Андреевича (тот якобы подкупил его и дал яд с целью отравить И. IV В.) и донос о готовящейся измене новгородцев. Эти сведения привели к появлению грандиозного следственного дела о «новгородской измене», согласно которому вся приказная администрация Новгорода и архиеп. Пимен собирались отдать Новгород и Псков под власть короля Речи Посполитой. В окт. 1569 по приказу царя отравлен его двоюродный брат кн. Владимир Андреевич с семьёй (кроме его сына и двух дочерей). Этим, как ему казалось, он предотвратил ближайшую угрозу гос. переворота. Теперь важнейшей задачей было помешать «заговорщикам» отторгнуть Новгород и Псков от Рус. гос-ва. В ходе похода опричников 1569–70 Новгород был фактически разгромлен, проведены массовые жестокие казни. Вся архиепископская казна, казны монастырей, деньги и драгоценности мн. купцов и ремесленников были конфискованы. В Александровскую слободу увезли колокола и святыни новгородских храмов и соборов. Позднее в Пскове были казнены архим. Псково-Печерского мон. Корнилий и некоторые монахи обители, неск. десятков псковских помещиков и приказных. Всего за время похода было казнено от 2,2 до 2,5 тыс. чел. Однако измена, как казалось И. IV В., проникла и в ближайшее опричное окружение первого набора. Не без интриг со стороны Г. Л. [Скуратова-Бельского](#) и В. Г. [Грязного](#), выдвинувшихся в 1568–69 и ставших к зиме 1569/70 самыми близкими к царю лицами, погибли один из инициаторов опричнины боярин А. Д. Басманов (см. в ст. [Басмановы](#)) и кн. А. И. [Вяземский](#), обвинённые в связях с новгородскими заговорщиками. Летом 1570 последовали массовые казни, уничтожившие цвет моск. приказной бюрократии, в т. ч. были казнены быв. глава [Посольского приказа](#), печатник И. М. Висковатый, 1-й казначей Н. А. [Фуников-Курцов](#), первые дьяки [Большого прихода приказа](#), [Поместного приказа](#) и [Разбойного приказа](#). Всего в июне – авг. 1570 погибло более 370 чел., что крайне отрицательно сказалось на работе большинства центр. ведомств.

Весной 1571 положение Рус. гос-ва резко ухудшилось. В мае поход на Москву совершил крымский хан [Девлет-Гирей I](#). Царь с опричниками, едва не попав в плен под Серпуховом, отправились в Ростов (планируя при необходимости бегство в Вологду), земские полки едва успели «сесть в осаду» в столице. 24.5.1571 под стенами Москвы появились крымские отряды. Поджог слобод и внезапно возникший вихрь превратили

Москву в огромный костёр. На обратном пути войско крымского хана разграбило ряд центр. и юж. уездов, взяло в плен 50–60 тыс. чел. Бегство к татарам целой группы служилых дворян, указавших хану переправы на Оке и давших ценную информацию о местонахождении царя и рус. армии, свидетельствовало о недовольстве опричными порядками. Резко ослабили междунар. позиции Рус. гос-ва. Однако победа в [Молодинской битве 1572](#) смешанной земско-опричной рати (с преобладанием войск земщины) под команд. земского воеводы кн. М. И. [Воротынского](#) свела на нет стратегич. угрозы с юга на годы вперёд. Царь ожидал исхода кампании в Новгороде, куда в два приёма была доставлена казна. По решению царя из Чернигова в Москву были перенесены мощи св. кн. [Михаила Всеволодовича](#) Черниговского – защитника и покровителя рус. войск в борьбе с Чингиссидами.

Политика Ивана IV Васильевича в 1572–76. Осенью 1572 царь отменил опричнину и запретил под страхом казни употреблять само это слово. Однако он не отказался целиком от разделения элиты: сохранялось деление двора (почти во всех его чиновных стратах) на земский и особый двор И. IV В. После гибели в 1573 Г. Л. Скуратова-Бельского правящий кружок включал недавних опричников – нового царского фаворита окольничего кн. Б. Д. Тулупова, боярина В. И. Умного-Колычева, Д. А. и И. А. Бутурлиных, др. лиц. Их положение не было прочным, и в 1575 они уступили в борьбе за влияние на царя набиравшим силу менее чиновным, менее родовитым, но более молодым дворянам (Б. Я. [Бельский](#), Д. И. [Годунов](#) и [Борис Фёдорович Годунов](#), А. Ф. Нагой, Р. В. [Олферьев-Безнин](#) и др.). Проигравшие были казнены по разным обвинениям в авг. и окт. – нояб. 1575 вместе с дьяками и приказными дворцовых ведомств, представителями кремлёвского духовенства и др. (всего до 50 чел.).

В окт. 1575 И. IV В. возвёл на рус. трон «великого князя всея Руси» недавно крестившегося касимовского царевича [Симеона Бекбулатовича](#). С одной стороны, этот шаг был, возможно, связан с предсказаниями «волхвов» о смерти рус. царя в этом году. С др. стороны, И. IV В. снова пришёл к выводу, что не может управлять страной традиц. методами, и вновь разделил государство на две части. В свой т. н. Московский удел И. IV В. включил как быв. опричные земли (Подвинье, Поморье, Вологду, Пошехонье, Ростов, Суздаль, Козельск, Перемышль, Лихвин), так и земские

(Дмитров, Старицу, Зубцов, Ржев, Псков с Порховским у. и др.), в уделе действовали осн. приказы (Дворцовый, Разрядный, Дворовая четверть, приказ Большого прихода, Судный), особый двор, в верхних чинах которого наряду с победившей «партией» присутствовали представители двух аристократич. фамилий (князя Шуйские, князя [Трубецкие](#)). И. IV В. снова создавал прослойку лиц, полностью заинтересованных в сохранении своего привилегиров. положения и потому безусловно преданных правителю. Установленный режим во многом напоминал опричный, однако не существовало ничего подобного опричному братству, и он не был связан с постоянной практикой массового террора. В сент. 1576 Симеон Бекбулатович был «сведён» с престола, получив в благодарность б. ч. земель быв. Тверского кн-ва в качестве удела, а И. IV В. восстановил статус царя. При этом вплоть до смерти царя сохранилось деление страны на дворовые и земские уезды, на особый (царский) двор и земский.

Некоторая стабилизация внутр. положения, длительное бескоролье в Речи Посполитой (1572–76, с небольшим перерывом в 1574), отсутствие масштабных набегов на юге (при этом в 1572–1574 произошло крупное восстание местного населения в Ср. Поволжье) позволили И. IV В. активизировать действия на театре Ливонской войны, где в 1572–77 был проведён ряд успешных операций, не принёсших, однако, решительной победы.

«Иван IV Васильевич». Парсуна.
1630-е гг. Национальный музей

В 1570-х гг. царь вёл активные переговоры о своём избрании на престол Речи Посполитой. Он проявил редкостное умение подстраиваться в обещаниях под «запросы среды» (своих возможных сторонников – прежде всего части польской средней и мелкой шляхты), в то же время отстаивая принципиальные для себя пункты (наследственность верховной власти, хотя бы и с выборной процедурой). На переговорах (осень 1572, зима – нач. весны 1573, весна 1575) царь соглашался расширить права и вольности шляхты, был готов пойти на

Дании (Копенгаген).

территориальные уступки, обещал в

перспективе унию государств (при этом сулил

сразу взять на себя гос. расходы Речи Посполитой), даже оставлял открытым вопрос о перемене веры, подчёркивая, что «Писание дано людям не на брань и гнев, только на тихость и смирение». Но при этом И. IV В. не предпринимал (особенно в 1574) реальных шагов для выдвижения и пропаганды своей кандидатуры в Речи Посполитой. Поскольку царь не владел полной информацией, он ошибся в расчётах, поддерживая (особенно в 1575–76) кандидата Габсбургов (в случае собств. проигрыша): считал, что на юге тот является союзником Рус. гос-ва, а в Ливонии занимает нейтральную позицию. В 1575–76 послы И. IV В. вели переговоры с императором Священной Рим. империи [Максимилианом II Габсбургом](#) о создании антитурецкой коалиции.

Последние годы царствования. Успехи последнего царского похода летом 1577 (без сопротивления сдались множество замков в литов. Ливонии), во многом иллюзорные, привели к ошибочной недооценке потенциала Речи Посполитой и её нового короля (с 1576) Стефана [Батория](#). Решив внутр. проблемы, он перешёл к активным воен. действиям против Рус. гос-ва: в кон. 1577 – нач. 1578 некоторые ранее сдавшиеся рус. войскам замки вновь оказались под властью Речи Посполитой, на сторону Стефана Батория перешёл Магнус (а с ним и его владения). В июне 1579 Стефан Баторий обратился с письм. призывами к сословиям Рус. гос-ва восстать против царя-тирана: обещал вернуть права и свободы знати, дворянству и купечеству. Скорее всего, воздействие этих грамот было незначительным, но на царя текст произвёл огромное впечатление. Кампании 1579–80 были проиграны рус. войсками.

На церковном соборе в авг. 1580 царь просил прощения у иерархов и каялся в грехах. После Земского собора кон. 1580 – нач. 1581, где представители знати и служилых корпораций заявили о невозможности продолжения войны в связи с полным истощением людских и материальных ресурсов, И. IV В. осознал, что с польск. королём в любом случае необходимо заключить мир; начались попытки сделать это. Помощь царю по его просьбе предоставил папа Римский [Григорий XIII](#), приславший А. [Поссевино](#) в качестве посредника на переговоры между Рус. гос-вом и Речью Посполитой.

Летом – осенью 1581 Рус. гос-во оказалось в ситуации войны на три фронта: набеги отрядов крымских татар (правда, сравнительно небольшие) охватили всё юж. пограничье – от Белёва до Алатыря (в 1582 началось новое восстание в Ср. Поволжье); в авг. 1581 в результате наступления войск Стефана Батория началась тяжелейшая [Псковская оборона 1581–82](#), в сентябре швед. войска перешли в наступление в сев. Ливонии, взяв Нарву и Ивангород. Благодаря слабости осадной артиллерии, неготовности польско-литов. войск к зимней кампании и посредничеству А. Поссевино на унижительных для И. IV В. условиях был заключён [Ям-Запольский мир 1582](#). Воен. действия со Швецией продолжились в 1582–83, завершившись [Плюским перемирием](#). Рус. завоевания в Ливонии были потеряны.

На события последних лет жизни И. IV В. во многом повлияла личная трагедия в семье царя: во время ссоры с сыном 9.11.1581 И. IV В. нанёс Ивану Ивановичу удар посохом, который привёл к смерти царевича. В понятиях традиц. культуры (в которой неразрывно связаны христианские и дохристианские представления) такая смерть превращала царевича (несмотря на исповедь и причастие перед кончиной) в «заложного» (нечистого) покойника. Посмертная судьба души царевича оказалась связанной в сознании царя с душами казнённых по его приказу людей (к тому же специально лишённых исповеди и покаяния перед смертью и права на заупокойное поминание). Уже весной 1582 по монастырям были разосланы деньги и списки на 74 названных по имени опальных; позднее поимённо и безымянно упомянутых в разл. монастырских синодиках насчитывалось ок. 3,3 тыс. чел. Суммы денег и денежное выражение вещевых вкладов (зачастую из конфискованного у опальных имущества) были очень большими. И. IV В. каялся в том, что посягнул на Божественные права, ведь только небесный суд может определить судьбу каждой православной души, а потому царь был не вправе лишать даже справедливо наказываемых лиц предсмертного причастия и заупокойного поминания.

К последним годам правления И. IV В. относится предпринятый, вероятно, по инициативе и на средства купцов [Строгановых](#) поход в Зап. Сибирь отряда атамана [Ермака Тимофеевича](#), положивший начало окончательному присоединению Сибири к Рус. государству.

Последней попыткой найти союзников для возвращения утраченных в Ливонии городов и земель стали переговоры с послами англ. королевы Елизаветы I (осень 1583, нач. 1584), где вновь поднимался вопрос о военно-политич. союзе, подкреплённом браком И. IV В. с кем-либо из родственниц королевы (для царя не имело значения наличие живой жены и недавно родившегося сына). После скоропостижной смерти царя над его телом был совершён обряд пострига, И. IV В. получил монашеское имя Иона.

Разл. сферы культуры получили значит. развитие в правление И. IV В. Центрами книжной культуры являлись книгописные мастерские при митрополичьей и некоторых владычных кафедрах (Новгородской, Ростовской, Суздальской и др.), в монастырях (Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Чудове, Иосифо-Волоколамском и др.), а особенно – существовавшие в рамках царских дворцовых учреждений. Под рук. митрополитов Макария и Афанасия создаются монументальные памятники энциклопедич. характера ([«Великие Четьи-Минеи»](#), [«Степенная книга»](#)). Погодное ведение летописных текстов прервалось в 1568. В 1568–76 писцы и художники царской мастерской изготовили (проект не был завершён) в Александровской слободе 11 томов [Лицевого свода](#) (сохранились 10 томов с более чем 16 тыс. миниатюр). Царь лично участвовал в создании замысла и в разработке идеологич. концепции, а отчасти и в редактировании большинства произведений. Несомненно, он был первым читателем созданной в 1553 1-й ред. Летописца начала царства (позднейшая или позднейшие завершены к 1560); апофеозом стало описание завоевания Казани: его единственный герой – сам царь, его заботы о воинах, труды, «подвиги и немерное благочестие» вместе со «всего... воинства страданием и всенародною молитвою» обеспечили «великую победу православия». В 1540–1560-е гг. жили и действовали крупные публицисты и писатели – [Максим Грек](#), [Ермолай-Еразм](#), И. С. [Пересветов](#) и др.

В 1550-е гг. в Рус. гос-ве возникло книгопечатание, первоначально в т. н. анонимных типографиях, а с 1564 – в типографии И. [Фёдорова](#) и П. Т. [Мстиславца](#) (первая датированная печатная рус. книга – «Апостол» – издана в 1564). После отъезда И. Фёдорова в ВКЛ (вероятно, в сер. – 2-й пол. 1566) царская типография располагалась в Александровской слободе. Ещё в сер. 16 в. были предприняты

определённые меры по развитию начального образования (приходские «школы» в установлениях Стоглава).

Помимо крепостного строительства, широкое развитие получило, гл. обр. в 1550–60-е гг., возведение больших 5-столпных соборов в городах, царских резиденциях и монастырях (Успенский собор в Вологде, Смоленский собор в Новодевичьем мон. в Москве, Успенский собор в Троице-Сергиевом мон. и др.), а также обетных храмов (*[Василия Блаженного храм](#)*). Немаловажное значение имело храмовое строительство в 1550–1570-е гг. на завоёванных территориях: в Поволжье, городах и крепостях Ливонии, в крепостях на юж. границах.

Важной особенностью произведений иконописи, а также фресковой живописи становится усложнение композиций и соответственно усиление нарративно-сюжетного начала, что особенно характерно для икон большого и среднего формата «праздничного» и «местного» рядов иконостасов. «Событийность» в житийных иконах разрасталась за счёт увеличения числа клейм и большей детализации изображаемых в них сюжетов. Для опричного и послеопричного времени характерно нарастание трагич. напряжения (это связано также с особенностями цветовой гаммы) в иконах и фресках с изображением Страшного суда, Спасителя и др. Ведущие мастера работали в Москве (особенно в 1550–1560-е гг.), гл. обр. в рамках деятельности ряда дворцовых учреждений, а также митрополичьей кафедры и ряда моск. или близких к столице монастырей. При этом сохранялись традиц. особенности новгородской, псковской, ростовской и ярославской школ, иконописцев ряда сев. монастырей.

Сам И. IV В. оставил значит. лит. наследие. Он обладал исключит. памятью, сильной тягой к самообразованию (особенно в 1540–50-е гг.), несомненным литературно-публицистич. талантом. Ему с той или иной степенью вероятности приписывают ок. 60 произведений (зафиксированных в т. ч. в изложении), созданных с дек. 1546 (речь перед иерархами по поводу выбора невесты) до июня 1581 (послание Стефану Баторию). И. IV В. проявил себя в разл. жанрах: от гимнографич. богослужебных текстов до «деловых» выступлений, речей и пр. К первым (с разной степенью убедительности) исследователи относят стихиры на праздник Преставления митр. Петра, на праздник Сретения иконы Владимирской Божией Матери, тропарь и кондак

на перенесение мощей св. кн. Михаила Черниговского, канон Ангелу грозному воеводе (архангелу Михаилу) и, возможно, тропарь св. Никите Переяславскому. Полемика И. IV В. на религ. темы с протестантом Я. Рокитой была зафиксирована в письм. виде, текст царского «ответа» был переведён на польский и лат. языки (в рус. рукописной традиции известна сокращённая редакция этого текста – «Послание на люторов», автор которой скрылся под лит. маской Парфения Уродивого), в 1582 был издан латиноязычный перевод. К «деловым» сочинениям относятся сложная по составу и истории текста духовная грамота И. IV В. (ок. 1572–73), речи и вопросы на Стоглавом соборе 1551, а также многочисл. речи и обращения на посольских приёмах (некоторые из них представляют собой пространные полемич. выступления). Наибольший интерес представляют послания царя кн. А. М. Курбскому (1564 и 1577), польск. королю и вел. кн. литовскому [Сигизмунду II](#) Августу и вел. гетману литовскому Г. А. Ходкевичу (1567, авторство царя скрыто за именами князей И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского и М. И. Воротынского), англ. королеве Елизавете I (1570 и др.), швед. королю Юхану III (1572–1573 и др.), В. Г. Грязному (1574), старцам Кирилло-Белозерского мон. (1573), королю Речи Посполитой Стефану Баторию и др. Именно в них в полемике с адресатами проявлялись система политич., социальных и религ. взглядов царя, безграничная убеждённость в божественном характере собств. миссии на земле, представления об абсолютном характере своей власти, о его праве казнить и миловать в соответствии с собств. решениями. Сугубо индивидуальна и стилистич. манера И. IV В.: большинство его текстов представляют собой сложную, но органичную смесь «книжного» и разговорного языка, прихотливое, нередко ассоциативное развитие аргументации. От во многом показного смирения и скорее формального покаяния автор почти сразу переходит к суровому наставничеству и поучениям «высоким стилем», перемежаемым юмором (чаще злым), а нередко и прямой бранью. Центр. место в лит. наследии царя занимает его полемич. переписка с кн. А. М. Курбским (гипотеза амер. исследователя Э. Кинана о том, что переписка – лит. подлог 17 в., опровергнута в работах рос. и иностр. исследователей).

В правление И. IV В. завершился процесс централизации Рус. гос-ва, начатый ещё при его деде – вел. кн. московском [Иване III Васильевиче](#). Однако в результате политики царя в 1560–1580-е гг. его наследнику досталась разорённая страна в фазе

углублявшегося острого хозяйств. кризиса. В разл. регионах Рус. гос-ва, за исключением южных и части сев. уездов, запустевшие земли составляли от 52–55 до 85–90%. По сравнению с нач. 16 в. податное население в городе и деревне сократилось в 5–10 раз, гос. подати в 1570-е гг. выросли в реальном выражении по сравнению с 1550-ми гг. более чем в 2,3 раза. Царские подати, война и опричнина назывались в качестве осн. причин запустения сразу после тяжёлых эпидемий. И. IV В. оставил после себя расколотую и униженную знать, расколотое служилое дворянство (оно делилось на заведомо неравных по правам земцев и опричников, позднее дворовых), деморализованную и во многом утратившую боеспособность поместную армию (никогда ранее дворяне не дезертировали с театра воен. действий целыми отрядами). «Переборы людишек и земель» в годы опричнины и особого двора резко ослабили внутрикорпоративные связи служилых дворян, нарушая естеств. развитие дворянских уездных корпораций. Светская вотчина (прежде всего родовая, а также приобретённая) пришла в упадок в годы опричнины и особого двора, поместная система находилась в глубоком кризисе. Заметно ослабили экономич. и социальные позиции горожан в тот же период. И. IV В. был склонен к гневу, неоправданной жестокости и явной зависимости от чужого влияния. Это стало одной из причин массовых казней целых семей, в результате которых прервались мн. знатные фамилии и целые роды, были ликвидированы большие группы моск. приказной бюрократии. В политич. борьбе царь использовал систематич. насилие, репрессии, убийства. Десятилетиями продолжались попытки преодолеть многочисл. кризисы, разломы и противоречия, возникшие в ходе правления И. IV В. в 1560–80-е гг., и восстановить в ряде осн. черт институты, структуры и связи, сформировавшиеся при И. IV В. в 1550-е гг.

Оценки правления и личности И. IV В. стали формироваться в публицистике ещё при жизни царя и в первые десятилетия после его смерти. Положительно к деятельности И. IV В. относились В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Р. Ю. Виппер, И. И. Смирнов. Н. М. Карамзин изображал 1-ю половину царствования И. IV В. как ряд политич. и воен. достижений, принципиально отказываясь оправдывать террор последующих лет. С. М. Соловьёв видел причины потрясений эпохи И. IV В. в борьбе «государственного и родового начал», считал опричнину апогеем этой борьбы, при

этом также не оправдывал террора. С. Ф. Платонов считал, что И. IV В. сокрушил при поддержке дворянства удельнокняжеское землевладение и политич. влияние аристократии, при этом социальным последствием опричнины стало Смутное время. В работах 2-й пол. 20 в. осуждался террор И. IV В.; он рассматривался как орудие борьбы против «удельнокняжеского сепаратизма» (А. А. Зимин) и аристократич. олигархии (Р. Г. Скрынников), как неизбежный элемент в строительстве самодержавного государства (Д. Н. Альшиц). С сер. 19 в. ряд исследователей объясняли трагич. стороны правления царя его психич. заболеванием (Я. А. Чистович, П. И. Ковалевский, Д. М. Глаголев, В. И. Буганов, А. А. Зимин, Р. Хелли, Р. Крамми и др.).

Литература

Изд.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. СПб., 1892. Т. 71. СПб., 1910. Т. 129; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951; Tsar Ivan IV's reply to Jan Rokyta / Ed. by V. A. Tumins. The Hague, 1971; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

Лит.: Ковалевский П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние. 7-е изд. СПб., 1901; Платонов С. Ф. Иван Грозный. Берлин, 1924; Виппер Р. Ю. Иван Грозный. 3-е изд. М.; Л., 1944; Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // Исторические записки. М., 1947. Т. 21; Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2; Дуйчев И. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; он же. В канун грозных потрясений. М., 1986; он же. Опричина. 2-е изд. М., 2001; Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Cherniavsky M. Ivan the Terrible as a renaissance prince // Slavic Review. 1968. Vol. 27. № 6; Kappeler A. Ivan Groznoj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Bern, 1972; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; он же. Россия Ивана Грозного. М., 1999; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда

Кинана. Л., 1973; он же. Иван Грозный. М., 1975; он же. Россия после опричнины. Л., 1975; он же. Царство террора. СПб., 1992; Rossing N., Rønne B. Apocryphal, not Apocryphal? A critical analysis of the discussion concerning the correspondence between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Sph., 1980; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Ivan the Terrible: a quarcentenary celebration of his death. Irvine, 1987; Perrie M. The image of Ivan the Terrible in Russian folklore. Camb., 1987; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989; Rowland D. Biblical military imagery in the political culture of early modern Russia: the blessed host of the heavenly tsar // Medieval Russian culture. Berk., 1994. Vol. 2; Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998; Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998; он же. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006; Успенский Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России. М., 1998; Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. L., 2003; Хант П. Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Сб. 9(19); Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003; Флоря Б. Н. Иван Грозный. 3-е изд. М., 2003; Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004; Россия и Греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1; Булычев А. А. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005; Bogatyrev S. Ivan the Terrible discovers the West: the cultural transformation of autocracy during the early Northern Wars // Russian History. 2007. Vol. 34; idem. Reinventing the Russian monarchy in the 1550's: Ivan, the dynasty and the church // Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85. № 2; Halperin C. Ivan IV's insanity // Russian History. 2007. Vol. 34; Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2007.